

СУЩНОСТЬ ХРИСТИАНСТВА

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

(1841)

В предлагаемой книге сосредоточены рассеянные в различных трудах большей частью только случайные, полемические и афористические мысли автора по поводу религии и христианства, теологии и спекулятивной философии, причем они развиты, обработаны, обоснованы, сохранены или видоизменены, сжаты или расширены, смягчены или заострены в той мере, в какой это было целесообразно и, следовательно, необходимо; но ни в какой мере этот труд, подчеркиваю, не является *исчерпывающим* уже по одному тому, что автор, не любящий общих мест, старался, как и всегда, не уклоняться от совершенно определенной темы.

Предлагаемое сочинение заключает в себе *элементы*, всего лишь элементы для критики философии положительной религии или откровения, но, как и следовало ожидать, философии религии не в ребячески-фантастическом смысле нашей христианской мифологии, готовой принять за факт каждую нелепую историческую сказку, и не в педантическом смысле нашей спекулятивной теологии, которая подобно схоластике прямо возводит в логически-метафизическую истину каждый символ веры.

Спекулятивная философия религии приносит религию в жертву философии, христианская мифология приносит философию в жертву религии. Одна делает религию игрушкой умозрительного произвола, другая превращает разум в игрушку фантастического религиозного материализма. Одна заставляет религию говорить только то, что она сама желает, другая принуждает ее говорить *вместо* разума. Одна не способна выйти из себя и поэтому превращает образы религии в свои собственные *мысли*; другая не может войти в себя и делает образы *вещами*.

Само собой разумеется, что философия и религия вообще, независимо от их специфического различия, тождественны. Другими словами, если одно и то же существо одновременно мыслит и верит, то и образы религии выражают одновременно мысли и вещи. Ведь каждая определенная религия, каждое верование есть в то же время известный образ мышления; ведь ни один человек не может верить в то, что противоречит его образу мысли и представлениям. Для человека, верующего в чудеса, чудо не есть нечто противоречащее разуму; оно,

наоборот, кажется ему вполне естественным следствием божественного всемогущества, которое тоже является в его глазах совершенно естественным представлением. Человек верующий считает воскресение мертвых таким же понятным и естественным явлением, как восход солнца после его заката, пробуждение весны после зимы и появление растений из брошенных в землю семян. Вера и религия вступают в противоречие с разумом только тогда, когда нарушается гармония между мыслями и чувствами человека и его верой и, следовательно вера перестает быть непреложной для человека истиной. Правда, подлинная вера тоже считает свои предметы непостижимыми, противоречащими разуму, но она делает различие между христианским и языческим, просвещенным и естественным разумом. Это различие значит не более, как то, что предметы веры могут казаться противоречащими разуму только людям неверующим, но всякий, кто верит в них, тот убежден в их истинности и признает их самих высшим разумом.

Но и при условии этой гармонии между христианской, или религиозной, верой и христианским, или религиозным, разумом все-таки всегда остается существенное различие между верой и разумом, так как и вера не может отрешиться от естественного разума. Естественный разум есть не что иное, как разум $\eta\alpha\tau' \acute{\epsilon}\zeta\omicron\chi\eta\nu^1$, всеобщий разум, – разум, которому свойственны общие истины и законы. Напротив, христианская вера, или, что то же, христианский разум, есть средоточие особых истин, особых привилегий и изъятий, следовательно, особый разум. Говоря короче и определеннее: разум есть правило, вера есть исключение из правила. Поэтому столкновения между ними неизбежно даже при условии полной гармонии, ибо специфичность веры и универсальность разума не покрывают друг друга, не насыщают друг друга полностью, благодаря чему обнаруживается остаток свободного разума, который по крайней мере в особые моменты ощущается сам по себе, в противоречии с разумом, привязанным к основам веры. Таким образом, различие между верой и разумом становится психологическим фактом.

Сущность веры заключается не в сходстве с всеобщим разумом, а в отличии от него. Характерная черта веры есть своеобразие, поэтому ее содержание даже внешним образом связано с особым периодом истории, с особым местом, особым именем. Отождествлять веру с разумом – значит ослаблять веру, уничтожать это различие. Если, например, вера в первородный грех выражает только убеждение, что человек рождается не таким, каким он должен быть, значит, это обыкновенная рационалистическая истина, истина, известная каждому, не исключая даже грубого дикаря, прикрывающего свой стыд звериной шкурой; ведь, прикрывая себя таким образом, дикарь находит, что че-

ловек создан не таким, каким он должен быть. Разумеется, и в основе первородного греха лежит эта общая мысль, но предметом веры и *религиозной* истиной первородный грех становится только благодаря своим особенностям, отличиям, тому, что не согласуется с всеобщим разумом.

Конечно, мышление всегда и неизбежно освещает и просветляет объекты религии, а с точки зрения религии или во всяком случае теологии разум только затемняет и разрушает религию; поэтому цель предлагаемого сочинения – доказать, что в глубине сверхъестественных тайн религии кроются совершенно простые, естественные истины. Однако при этом необходимо иметь в виду существенное различие между философией и религией, если мы хотим раскрыть не *самих себя*, а сущность религии. Существенное отличие религии от философии составляет *образ*. Религия драматична по существу. Сам бог есть существо драматическое, а значит – индивидуальное. Отняв у религии образ, мы отнимем у нее предмет, и у нас в руках останется только *carut potum*². Образ *как образ* есть вещь.

В предлагаемом сочинении образы религии рассматриваются только *как образы*, а не как мысли (во всяком случае не в смысле спекулятивной философии религии) и не как вещи, т.е. теология рассматривается не как мистическая прагматология вразрез с христианской мифологией и не как онтология вразрез с умозрительной философией, религии, а как психопатология.

Автор избрал наиболее объективный метод – метод аналитической химии. Поэтому он везде, где необходимо и возможно, ссылается на документы, помещенные частью внизу текста, частью в отдельном приложении. Цель этих источников – узаконить заключение, выработанные путем анализа, т.е. доказать их объективность. Поэтому если результаты его метода покажутся кому-либо странными и незаконными, то вина за это лежит не на авторе, а на предмете.

Автор недаром воспользовался свидетельствами давно минувших веков. Христианство тоже пережило некогда свой классический период, а ведь только истинное, великое, классическое достойно быть предметом мышления; все же, что не является классическим, заслуживает суда комедии или сатиры. Поэтому, чтобы представить христианство в качестве объекта, *достойного мышления*, автор должен был отрешиться от трусливого, бесхарактерного, комфортабельного, беллетристического, кокетливого, эпикурейского христианства наших дней и перенестись в те времена, когда Христова невеста была еще целомудренной, чистой девой, когда она еще не вилетала в терновый венец своего небесного жениха розы и мирты языческой Венеры, чтобы не упасть в обморок при виде страждущего Бога, когда она еще была бед-

на земными сокровищами, но зато в избытке блаженно наслаждалась тайнами сверхъестественной любви.

Современное христианство могло бы представить только один документ: *testimonia paupertatis*³. Всем, чем обладает еще современное христианство, оно обязано не *себе* – оно живет подаванием минувших веков. Если бы современное христианство было предметом, достойным философской критики, то автору не пришлось бы тратить столько труда на изучение прошлого. То, что в этом сочинении доказывается, так сказать, а priori⁴, а именно, что *тайна теологии есть антропология*, давно уже доказано и установлено a posteriori⁵ историей теологии. “История догмата”, говоря проще, история теологии вообще, есть “критика догмата”, критика теологии в целом. Теология давно сделалась антропологией. История реализовала, сделала предметом сознания то, что *само по себе* было сущностью теологии. Здесь метод Гегеля оказался совершенно верным и исторически обоснованным.

Хотя “безграничная свобода и индивидуальность” современного мира отразились на христианской религии и теологии настолько, что давно исчезло различие между творящим святым духом божественного откровения и потребляющим человеческим духом, некогда сверхъестественное и сверхчеловеческое содержание христианства давно уже приняло естественный, антропоморфический характер. И все же в силу нерешительности и неопределенности нашего времени и теологии в умах еще блуждает *подобно* призраку сверхчеловеческая, сверхъестественная сущность старого христианства. Но автор не намерен доказывать, что этот современный призрак есть только иллюзия, самообман человека; он считает такое доказательство неинтересным с философской точки зрения. Призраки – это тени прошлого; они неизбежно приводят к вопросу: что представлял собой некогда призрак, когда он был облечен в плоть и кровь?

Но автор просит благосклонного и главным образом неблагосклонного читателя не забывать о том, что автор, черпающий материал из прошлого, – сын не старого, а нового времени и пишет для современников; что рассматривая первоначальную сущность призрака, он не теряет из виду его современного облика; что этот труд, хотя и носит патологический или физиологический характер, преследует тем не менее *терапевтическую*, или *практическую*, цель.

Эта цель заключается в рекомендации *духовных ванн*, в наставлении относительно употребления и пользы *холодной воды естественного разума*, в попытке воскресить древнюю простую ионическую гидрологию в области умозрительной философии, в частности в умозрительной философии религии. Древнее же ионическое учение, в особенности Фалеса, в своем первоначальном виде таково: вода есть начало всех вещей и существ, следовательно, также и богов. Ведь дух, или бог,

который, по Цицерону, помогает воде при родах всех вещей как *особое* существо, есть, очевидно, позднейшее прибавление языческого теизма.

Сократовское $\gamma\upsilon\delta\theta\sigma\epsilon\kappa\iota\tau\upsilon\beta$ ⁶, служащее истинным эпиграфом и темой предлагаемого труда, вовсе не противоречит простой естественной стихии ионической мудрости, когда она понимается в должном смысле. Вода есть не только физическое средство рождения и питания, каким ее считала старая, ограниченная гидрология, но полезное психическое и оптическое лекарство. Холодная вода проясняет зрение. Один вид прозрачной воды доставляет неизъяснимое наслаждение. Как эта оптическая ванна освежает душу и проясняет ум! Вода с магической силой влечет нас к себе, в глубь природы; в ней же отражается наш собственный образ. Вода есть подобие самосознания, подобие человеческого глаза, естественное зеркало человека. В воде смело освобождается человек от всяких мистических покровов; он погружается в воду в своем истинном, в своем обнаженном виде; в воде исчезают все сверхъестественные иллюзии. Так, некогда в воде ионической натурфилософии угас светильник языческой астротеологии.

В этом именно и заключается чудесная целительная сила воды, благотворность и необходимость духовного водолечения, особенно для такого водобоязненного, самообольщающегося и изнеженного поколения, как наше.

Мы вовсе не намерены строить иллюзий относительно воды, светлой, чистой воды естественного разума, и снова связывать сверхъестественные представления с противоядием против супранатурализма. Разумеется, $\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\upsilon\upsilon\ \acute{\upsilon}\delta\omega\rho$ ⁷, однако и $\acute{\alpha}\rho\iota\sigma\tau\upsilon\upsilon\ \mu\acute{\epsilon}\tau\rho\nu$ ⁸. Сила воды есть сила, в себе самой ограниченная, определенная мерой и целью. Существуют болезни, которые невозможно излечить водой. К ним относится венерическая, *похотливая страсть* современных ханжей, рифмоплетов и эстетов, которые судят о ценности вещей только по их поэтическим достоинствам и, признавая иллюзию иллюзией, не стыдятся защищать ее ради красоты, которые так пусты и лживы, что даже не чувствуют, что иллюзия *прекрасна* лишь до тех пор, пока она считается *истиной*. Но к этим безнадежно пустым, похотливым субъектам вовсе и не обращается духовный врач-гидропат. Только тот, что ставит скромный дух истины выше поверхностной, обманчивой красоты, кто считает истину прекрасной, а ложь отвратительной, – только тот достоин и способен принять святое крещение водой.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Нелепые и недобросовестные отзывы, высказанные по поводу моей книги со времени появления первого издания, вовсе не удивили меня, потому что других я не ждал и, рассуждая разумно и справедливо, не мог ждать. Эта книга поссорила меня с Богом и миром. Я имел *“преступную дерзость”* уже в предисловии указать на то, что *“христианство тоже пережило некогда свой классический период, а ведь только истинное, великое, классическое достойно быть предметом мышления; все же фальшивое, ничтожное, не являющееся классическим, заслуживает суда комедии или сатиры. Поэтому, чтобы представить христианство в качестве объекта, достойного мышления, автор должен был отрешиться от трусливого, бесхарактерного, комфортабельного, беллетристического, кокетливого, эпикурейского христианства наших дней и перенестись в те времена, когда Христова невеста была еще целомудренной, чистой девой, когда она еще не вплетала в терновый венец своего небесного жениха розы и мирты языческой Венеры... , когда она еще была бедна земными сокровищами, но зато в избытке блаженно наслаждалась тайнами сверхъестественной любви”*.

Итак, я имел преступную дерзость вызвать на свет из мрака прошлого истинное христианство, от которого отреклись современные мнимые христиане, и сделал это не с похвальной и разумной целью представить современное христианство как *non plus ultra*⁹ человеческого ума и сердца, а с противоположной, равно *“безрассудной”* и *“дьявольской”* целью: свести христианство к более высокому и общему началу. Из-за этой преступной моей дерзости меня, как и следовало ожидать, предали проклятию современные христиане, и особенно богословы. Я поразил *умозрительную* философию и ее самое чувствительное место, затронул ее самый *point d'honneur*¹⁰. Я безжалостно разоблачил ее мнимое согласие с религией, доказав, что ради этого согласия она лишила религию ее истинного, существенного содержания. С другой стороны, я показал в чрезвычайно неблагоприятном свете так называемую позитивную философию, доказав, что *оригинал* ее идола есть *человек*, что личность нераздельна с плотью и кровью. Одним словом, моя экстраординарная книга явилась неожиданным ударом для ординарных философов-профессионалов. Далее, мои – увьи! – *чрезвычайно бестактные*, однако интеллектуально и морально необходимые, разъяснения темной сущности религии навлекли на меня даже немилость политиков, как *тех*, которые пользуются религией как наиболее политическим средством подчинения и эксплуатации человека, так и *тех*, которые находят, что религия не имеет ничего общего с политикой, и поэтому любят свободу и свет в области промышленности и политики

и ненавидят их в области религии. Наконец, моя неосторожная попытка назвать вещи своими именами оказалась ужасным, непростительным нарушением современного этикета.

В наше время в “хорошем обществе” принят нейтральный, бесстрастный тон условных иллюзий и лжи. Поэтому не только политические, что понятно само собой, но даже религиозные и научные вопросы, *id est*¹¹, то, что составляет “злобу дня”, обсуждаются в этом тоне. *Сущностью* нашего века является *притворство*, притворство во всем, начиная с политики, и науки и кончая религией и нравственностью. Всякий, кто говорит теперь правду, считается *дерзким*, “невоспитанным”, а “*невоспитанность*” равносильна *безнравственности*. *Правда* в наш век стала *безнравственностью*. Нравственным и достойным уважения считается *лицемерное* отрицание христианства, которое придает себе *видимость* его *утверждения*; безнравственным и преступным – искреннее, *нравственное* отрицание христианства – то отрицание, которое откровенно называет себя *отрицанием*. Нравственными считаются *произвольные сделки с христианством*, позволяющие *фактически* игнорировать основной член христианского вероучения и сохранить *видимость* другого; ведь “одно сомнение, – согласно *Лютеру**, – влечет за собой *все* другие” по крайней мере в принципе. Безнравственно *серьезное освобождение* от христианства *в силу внутренней необходимости*; нравственна *бестактная половинчатость*; безнравственна *уверенная в себе, убежденная цельность*; нравственно *легкомысленное противоречие*; безнравственна *строгая последовательность*; нравственна *посредственность*, ничего не доводящая *до конца*, не умеющая проникать *в глубину* вещей; безнравствен *гений*, изучающий предмет *до основания*. Короче, нравственна одна только *ложь*, скрывающая зло истины, или – что теперь одно и то же – истину зла.

Истина считается в наши дни не только безнравственной, но и *ненаучной*. Истина – граница науки. Свобода плавания немецких кораблей по Рейну простирается *jusques à la mer*¹²; свобода немецкой науки – *jusques à la vérité*¹³. Когда наука достигает истины, становится истиной, она перестает быть наукой и делается *объектом полиции*: полиция есть граница между истиной и наукой. Истиной является человек, а не разум *in abstracto*¹⁴, жизнь, а не мысль, остающаяся на бумаге, к этому стремящаяся и находящая на бумаге соответствующее ей существова-

* В другом месте Лютер ещё так выражает эту мысль: “Одно из двух: *или верить во все начисто и без всякого исключения, или же ни во что не верить*. Святой дух нельзя делить на части так, чтобы одну часть считать истинной, а другую – ложной... Колокол, давший трещину, уже не звучит и весь никуда не годится”. Как это правильно! Как оскорбляет музыкальный слух колокольный звон современной веры! Но и то сказать: колокол этот весь в трещинах.

ние. Поэтому мысли, переходящие непосредственно из пера в кровь, из разума в человека, перестают быть только научными истинами. Наука в сущности является теперь бесполезной, но зато и безвредной игрушкой ленивого разума; она стала заниматься вещами, безразличными для жизни и человека; но даже и в противном случае она все же настолько скучна и бесполезна, что *никто* о ней не думает. Поэтому необходимым качеством настоящего, почтенного, признанного ученого является пустота ума, холодность сердца, отсутствие убеждений – одним словом, бесхарактерность. Эти качества особенно необходимы для ученого, который в силу своей науки должен касаться щекотливых вопросов современности. Но ученый, отличающийся неподкупной любовью к истине, решительностью и твердостью, всегда бьющий в точку, поражающий зло в корне, доводящий всякое дело до кризиса, до окончательного разрешения, – такой ученый уже *не есть* ученый. Боже сохрани! – он “Герострат”. Его необходимо как можно скорее вздернуть на виселицу или по крайней мере пригвоздить к позорному столбу. Последнее предпочтительнее: *вепль смерть* на виселице, по началам современного “христианского государственного права”, считается неполитической и “нехристианской”, так как она есть смерть очевидная и бесспорная, а пригвождение к позорному столбу, как смерть гражданская, отвечает лицемерному духу политики и христианства, так как не *кажется* смертью. А ведь отличительной чертой нашего времени является притворство, чистейшее притворство во всех сколько-нибудь щекотливых вопросах.

Немудрено поэтому, что в век мнимого, иллюзорного, хвастливого христианства “Сущность христианства” была встречена с таким скандалом. Христианство настолько отстало от жизни и практики, что даже официальные и ученые представители христианства, богословы даже на *знают* или по крайней мере не хотят знать, что такое христианство. Чтобы убедиться в этом *собственными глазами*, стоит только сравнить упреки, сделанные мне богословами, например, по поводу веры, чуда, провидения, ничтожества мира, с *историческими свидетельствами*, которые я именно поэтому во втором издании значительно дополнил. Рассмотрев эти упреки, можно увидеть, что они относятся не ко *мне*, а к самому христианству, что “негодование” богословов вызвано не моей книгой, а истинным, но ставшим совершенно чуждым им по духу содержанием христианской религии. Немудрено, что люди, которые, вероятно, от скуки отнеслись с аффектированной страстностью к давно отжившему и – увы! – столь ничтожному вопросу, как противоречие между католицизмом и протестантизмом, и не постыдились поднять серьезный спор о смешанном браке, – немудрено, что эти люди сочли возмутительным анахронизмом книгу, доказывающую на основании исторических документов, что не только смешанный брак, брак

между верующими и неверующими, но и брак вообще противоречит истинному христианству, ибо истинный христианин – а разве “христианские правительства”, христианские пастыри, христианские учителя не обязаны заботиться, чтоб все мы были истинными христианами? – не знает другого зачатия, кроме зачатия от святого духа, не ведает иного населения, кроме населения небес, а не Земли.

Поэтому шум, вызванный моей книгой и против нее направленный, не заставил меня изменить свой взгляд. Я еще раз спокойно подверг свою книгу самой строгой исторической и философской критике, исправил по возможности ее формальные недостатки, развернул ее содержание, по-новому осветил его, дополнил новыми убедительными и неопровержимыми историческими свидетельствами. Может быть, теперь, когда я шаг за шагом пополнил свой анализ историческими справками, всякий, *имеющий глаза*, сознается, хотя бы и помимо своей воли, что моя книга есть точный, верный перевод христианской религии с образного языка восточной фантазии на простой, всем понятный немецкий язык. А цель моей книги – именно быть *точным переводом* или, выражаясь без метафоры, *эмпирико- или историко-философским* анализом, решением загадки христианской религии. Общие положения, высказанные мной во Введении, являются не априорными, вымышленными суждениями, не плодами умозрения; они вытекают из анализа религии и подобно всем основным мыслям моего труда суть облеченные в форму мыслей, то есть общих выражений, и тем самым явленные пониманию фактические проявления человеческой сущности, именно религиозной сущности и религиозного сознания человека. Мысли, высказанные в моем труде, – лишь следствие, они *вытекают* из предпосылок, каковыми являются не мысли же, а *объективные, живые* или *исторические* факты – факты, которые из-за их *громоздкого формата* моя голова просто не могла вместить. Я вообще безусловно отвергаю *абсолютное, нематериальное, самодовольное* умозрение, черпающее материал из *самого себя*. Я не имею ничего общего с теми философами, которые *закрывают глаза*, чтобы легче было думать. Для мышления мне нужны чувства, главным образом зрение, я основываю свои суждения на *материалах*, познаваемых нами всегда лишь посредством внешних чувств, произвожу не предмет от мысли, а мысль *от предмета*; предмет же есть только то, что *существует* вне головы. Я – *идеалист* только в области *практической* философии, где я не считаю границ настоящего и прошедшего границами человечества, границами будущего, где я непоколебимо верю, что многое, что кажется современным недалновидным и малодушным практикам фантазий, неосуществимой мечтой, химерой, станет совершившимся фактом завтра, т.е. в следующем столетии; ведь то, что является столетием по отношению к отдельным личностям, можно считать днем в жизни че-

ловечества. Короче, я смотрю на идею лишь как на веру в историческую будущность, в торжество истины и добродетели, и поэтому идея имеет для меня только *политическое и нравственное* значение. Зато в области собственно теоретической философии я, в прямую противоположность философии Гегеля, где дело обстоит как раз наоборот, считаюсь только с реализмом и материализмом в указанном смысле. Основной принцип господствовавшей доселе умозрительной философии: все, что мое, я ношу в себе самом – древнее *omnia mea pesum porto* – к сожалению, ко мне неприменим. Вне меня существует множество вещей, которые я не могу носить с собою ни в кармане, ни в голове, но которые я в то же время как философ, а не просто как человек, о чем здесь не может быть речи, считаю *своими*. Я – только *духовный естествоиспытатель*, а естествоиспытатель должен прибегать к *инструментам, к материальным средствам*. В качестве духовного естествоиспытателя я и написал предлагаемую книгу, содержащую в себе практически, т.е. *in concreto*¹⁵, на особом предмете, но предмете всеобщего значения, а именно религии, доказанный, развитый и разработанный принцип новой философии, такой философии, которая *существенно* отличается от прежней философии и вполне отвечает *истинной, действительной, целостной* сущности человека и которая именно поэтому противоречит воззрениям людей, искалеченных и испорченных сверхчеловеческой, т.е. противочеловеческой, противоестественной религией и умозрением. Эта философия, как я уже говорил в другом месте, не считает единственным достойным органом откровения гусиное перо, а имеет глаза и уши, руки и ноги; она не отождествляет мысли о предмете с самим предметом с целью сделать при помощи пера действительное бытие бытием, существующим только на бумаге, а отделяет одно от другого и только в силу этого размежевания доходит до *самой вещи*; она признает *истинной вещью* не предмет отвлеченного разума, а предмет *действительного, цельного человека*, т.е. *цельную, действительную вещь*. Эта философия опирается не на разум *в себе*, не на абсолютный, безымянный, неизвестно кому принадлежащий разум, а на ум человека, правда далекого от умозрения и христианства. И потому она говорит *человеческим*, а не *безымянным, неопределенным* языком; она и на словах, и на деле усматривает *сущность* философии в *отрицании философии*, т.е. объявляет истинной философией только такую, которая воплощена *in succum et sanguinem*¹⁶, стала плотью и кровью, человеком, ее триумф заключается в том, что путаники и невежды, принимающие за *сущность* философии ее *призрак*, не желают вовсе признавать ее философией.

Эта философия отрешилась от субстанции Спинозы, от “Я” Канта и Фихте, от абсолютного тождества Шеллинга, от абсолютного духа Гегеля и тому подобных отвлеченных, только мыслимых или вообра-